

Сергей Викторов (Москва)

**Можно ли заразиться сумасшествием?
(роль журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии» в становлении теории Л. Н. Толстого о заразительности эмоций)**

Sergey Viktorov (Moscow)

**Is it possible to contract madness?
(The contribution of the *Archive of psychiatry, neurology and forensic psychopathology* magazine to the formation of Leo Tolstoy's theory of infection)**

Резюме. Уже в «Войне и мире» Л. Н. Толстой задумывается над проблемой отказа человека от собственной воли и подчинения воле чужой. Но если в 1860-е гг. его интересовал скорее политический и философский смысл этого феномена, то в 1880-е — медицинский и психологический аспекты. В это время психиатры активно изучают феномен «заражения» человека чужими чувствами, что дает Толстому возможность посмотреть на данную проблему под другим, психофизиологическим, углом, создавая собственную теорию «заражения» эмоциями. Согласно этой теории, человек посредством других людей или искусства может заразиться как добром, так и злом. Исследователи, начиная с Л. С. Выготского, обращались к эстетической стороне толстовской теории, мы же в статье переведем разговор в другую, психофизиологическую плоскость, и обратимся к журналу «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», и попытаемся объяснить, как в сознании Толстого 1880-х гг. соединяются понятия о свободе воли и зависимости человека от других людей, насколько «Архив...» помогает писателю в построении собственной теории.

Ключевые слова: Толстой, «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», теория заражения эмоциями, психиатры.

Abstract. It was already in the *War and Peace* that Leo Tolstoy began to examine the issue of human rejection of their own will and submission to that of others. If in the 1860s he was more attracted by the political and philosophical aspects of the phenomenon, in the 80s, however, he examined the medical and psychological ones. During that period, psychiatrists were actively scrutinizing the phenomenon of people getting 'infected' with emotions of other people, which enabled Tolstoy to analyze the issue from another angle and to ultimately create his own 'infection theory'. Researchers, including Lev Vigotskiy, invoked the aesthetic side of Tolstoyan theory; in our article we, in contrast, transfer the topic into a psychophysiological realm. We appeal to the *Archive of psychiatry, neurology and forensic psychopathology* magazine with a view to explain how Tolstoy's consciousness in the 80s combined the notions of freedom of will and human dependence on others and to what extent the *Archive...* helps him consolidate his own theory.

Keywords: Tolstoy, the Archive of psychiatry, neurology and forensic psychopathology, theory of infection, psychiatrists

В 1879 г. Л. Н. Толстой отбрасывает надежду «выразить свою веру словами» [Паперно 2013: 58], дать ответ на вопрос «что я такое?»; он разочаровывается в художественной литературе и ее методах, начиная работать над произведением «для себя», над «Исповедью» (1882 г.). В начале 1880-х гг., в пору духовного перелома, Толстой все больше задумывается над проблемой моральной ответственности человека за творимое им зло и об истоках зла социального. В письме общественному деятелю и публицисту М. А. Энгельгардту от 20 декабря 1882 г. Толстой пишет: «Нельзя огнем тушить огонь, водой тушить воду, злом уничтожать зло. Пора бы бросить старый прием и взяться за новый тем более, что

он и разумнее» [Толстой 1934: 120]. Позднее Толстой, опираясь на достижения психиатров в области исследования человеческого сознания, разрабатывает свою теорию «заражения», согласно которой люди могут заражаться эмоциями друг друга, причем как положительными, так и отрицательными. Пример отрицательно-го заражения проиллюстрирован Толстым в «Крейцеровой сонате» (1889 г.): главный герой повести, Позднышев, слыша, как его жена и Трухачевский играют «Крейцерову сонату» Людвига ван Бетховена, «заражается» ревностью, которая в итоге и приводит его к убийству им жены. Причем сам Позднышев признает силу заразительности музыки: «<...> музыка действует как зевота, как смех; мне спать не хочется, но я зеваю, глядя на зевающего; смеяться не о чем, но я смеюсь, слыша смеющегося» [Толстой 1936: 61]. В трактате «Что такое искусство?» (1897—1898) Толстой демонстрирует пример положительного заражения: он рассказывает, как, подходя к дому, услышал веселое и громкое пение хора баб, проникнутое невероятным чувством радости, и не успел заметить, как «<...> заразился этим чувством, и бодрее пошел и подошел к нему [дому. — С. В.] совсем бодрый и веселый» [Толстой 1956: 144]. Таким образом, посредством передачи чувств от одного человека к другому мир может «заболеть» либо добром, либо злом. Но как теория заражения соединяется с представлением о свободе воли, которое было для Толстого не менее значимо в это время? Как человек, который сегодня совершает зло, может завтра стать воплощением добра и смирения? Исследователи, начиная с Л. С. Выготского, неоднократно обращались к анализу толстовской теории заражения, концентрируясь на ее слабых сторонах или ее рецепции современниками [Бабаев 1981, Выготский 1998, Аронсон 2017]. Менее изучен генезис этой теории, который, на наш взгляд, как раз и позволяет объяснить, как соединяются в сознании Толстого 1880-х гг. представления о детерминированности и самостоятельности человеческого поведения.

Пролить свет на эти вопросы позволяет изучение психиатрической и психологической литературы, которую Толстой внимательно читает в эти годы и которая прямым образом воздействует

на его представления о том, как устроен человек с физиологической и социальной точек зрения. В частности, его интересуют статьи С. И. Штейнберга, Т. Мейнерта, В. Д. Тронова, Е. П. Летковой, в которых показывается, что эмоции психически больного и даже здорового человека — это результат подражания чужим эмоциям. Более того, и общественные явления вроде избрания толпой лидера нации оказываются в трактовке этих исследователей следствием массового «заражения», своего рода коллективной истерии.

В это время, как показали Р. Николози и И. Е. Сироткина, в России идет становление клинической психиатрии, и Толстой испытывает интерес к этой дисциплине: он придумывает для своих детей истории о сумасшедших, к примеру сказку о человеке, который сделан из стекла; в Ясной Поляне дают приют сумасшедшим (старой женщине, которая одевалась как мужчина и думала, что у нее внутри растет береза); а сад московской усадьбы Толстых в Хамовниках граничил с психиатрической клиникой Московского университета, и иногда дети Толстого разговаривали с больными этой клиники, которые протягивали им через забор руки; более того, Толстой часто беседовал о психиатрии с заведующим этой клиникой С. С. Корсаковым [Сироткина 2008: 68]. Однако надо иметь в виду, что внимание Николози [см.: Николози 2019] направлено на более общее явление — дискурс о вырождении в русской литературе и психиатрии XIX—XX вв., а взгляд Сироткиной [см.: Сироткина 2008] — на становление российской психиатрии и на то, как писатели (в частности, Ф. М. Достоевский и Толстой) влияли на ее развитие в XIX—XX вв. Мы же обратимся к изучению того, как Толстой воспринимает психиатрические открытия и использует их для построения своей модели поведения человека. Мы обратимся к анализу конкретного источника — журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», который издавался с 1883 г. П. И. Ковалевским, профессором кафедры психиатрии и нервных болезней Харьковского университета. Толстой, как свидетельствуют его дневниковые записи 1884 г., читал некоторые статьи второго номера этого журнала за 1884 г. [см.: Толстой 1952: 77—79]. Он был подарен Толстому самим Ковалевским.

Статьи журнала отчасти отвечают на раздумья Толстого о том, как эмоция или мысль передается от одного человека к другому, и способствуют развитию его концепции о «подражании» эмоциям, «заражении» ими. Обращаясь к исследованию психопатологий, психиатры вырабатывают представления о том, как устроено сознание и здорового, и психически больного человека. Толстой с помощью подобной литературы смог отрефлексировать понятие не только «заражения», но и «сумасшествия», которое становится у него все более частотной метафорой для обозначения определенного типа общественного, а подчас и своего собственного поведения.

Психиатры в это время рассматривают «заражение» с двух сторон: как совершенно закономерный и нормальный процесс, характеризующий работу головного мозга и как болезнь, связанную с нарушением его работы. Русский психиатр С. И. Штейнберг (1831—1909) в статье «Случай патологического подражания у маниака», которая была напечатана во 2 номере 3 тома тома «Архива...» за 1884 г., пишет о том, что от порабащающей силы подражания не свободен никто, даже люди совершенно здоровые в умственном плане [Штейнберг 1884: 1]. Чтобы описать механизм заражения, который предлагает Штейнберг, введем две переменные — собеседник «А» и собеседник «Б», и представим ситуацию диалога. В ходе диалога «А» и «Б» обмениваются не только информацией, но и эмоциями. Допустим, собеседник «А» при разговоре испытывает чувство радости, на это чувство активно реагирует его мозг, что выражается на его лице улыбкой. В это время мозг собеседника «Б» получает сигнал о том, что собеседник «А» улыбается, т. е. его губы находятся в положении, выражающем улыбку. Мозг эту информацию воспринимает, причем понимает, что человек именно улыбается, а например, не плачет. Это происходит, потому что человеческий мозг имеет определенный набор «движений», «действий» для каждого состояния: например, радость будет выражаться одним способом, а печаль — другим. Эти «движения» есть лишь продолжение деятельности мозга, причем мозга каждого человека, а не какого-то одного, иначе люди просто не могли бы понимать друг друга на эмоцио-

Можно ли заразиться сумасшествием?

нальном уровне. По сути, факт того, что один человек смотрит на другого человека, который смеется, и сам начинает испытывать те же чувства, есть факт вполне закономерный; это естественный процесс, являющийся частью процесса подражания. Именно этот процесс дает возможность людям чувствовать и понимать эмоции друг друга.

Вместе с тем Штейнберг трактует «подражание» и как болезнь [Штейнберг 1884: 20]. Болезнью оно становится тогда, когда человек заражается не столько эмоциями, сколько конкретными движениями, позами: например, он повторяет то, что слышит, даже если это иностранные слова, или же его лицо все время принимает то же выражение, что и лицо собеседника. Штейнберг считает, что это уже связано с нарушением работы головного мозга [Штейнберг 1884: 20]. Сознание при таком нарушении довольно расплывчато, оно работает как своеобразное «эхо», откликающееся на все, что до него дойдет: «Больной, таким образом, представляет почти настоящее эхо» [Штейнберг 1884: 18]. Более того, как говорит Штейнберг, сам больной даже не осознает своего подражания, а когда его спрашивают, зачем он повторял определенные движения и звуки, он говорит: «А когда это было?», в то время, как здоровый человек всегда может дать отчет о своих действиях, даже тех, которые совершаются рефлекторно [Штейнберг 1884: 21].

Толстой читает статью Штейнберга и записывает по этому поводу в дневнике от 7 апреля 1884 г.:

Сидел дома с женой и читал Психиатрию. О подражательности. Когда проскочет через машину колос, то он колос. Когда попадет в машину, то он зерно, потом мука, потом хлеб, потом кровь, потом нервы, потом мысль, и как только он мысль, то он все, т. е. уже не колос, а то, из чего и рожь и хлеб, и свинья, и дерево, и добро, и все, т. е. Бог. Попадет в корковое, мозг и оттуда может попасть в Бога, в источник всего. В человеке, в жизни его, в мозгу, в разуме источник всего. Не источник, а та часть, к[оторая] соединяется, сливается с началом всего. Всякое жизненное явление, впечатление, получаемое человеком, может пройти по человеку, как по проводнику, и может дойти до его сердцевины, и там слиться с его началом. Задача и счастье человека образовать из себя центр начальный, бесконечный, свободный, а не вторичный, ограниченный, подневольный проводник. — Неясно другим, но мне ясно [Толстой 1952: 78].

Эту мысль можно истолковать как интерпретацию идей Штейнберга: колос для Толстого — это определенная эмоция, полученное впечатление. Когда эта эмоция проходит через человеческий мозг, т. е. «машину», никак в нем не перерабатываясь, то она так и остается чужой эмоцией. В таком случае человек оказывается подневольным проводником, зависимым от другого человека; он, может, и здоров, но точно не самостоятелен. Когда же эмоция посредством импульсов «попадает» в человеческий мозг, проникает в самые потаенные «корковые» его места, тогда она становится уже частью не только мозга, но и человеческого «я» в целом, она перерабатывается в нем. Более того, провозглашая мозг мостом между человеком и «началом всего», Богом, Толстой утверждает, что впечатление, которое проходит сквозь мозг каждого из людей, может слиться с общечеловеческим, общеморальным началом и в таком случае можно говорить не просто о зависимости одного человека от другого, а об открытии ими в себе общей друг с другом сущности. Заражение не поработщает, а освобождает, делает человека причастными к сфере сверхчеловеческого. Главное, по Толстому, научить себя и свой мозг не просто принимать эмоции и образы от других, а через заражение приобщаться к «центру всего» и транслировать то, что этот центр передает. Люди в таком случае заражаются идеями Бога, а не отдельно человека, причем, у них есть особое преимущество — они могут заражать этими идеями и других. Итак, один и тот же психофизиологический механизм объясняет процессы заражения и злом, и добром, позволяет соединить свободу и необходимость.

Сходные идеи, позволяющие на основе изучения мозга объяснить моральные потребности личности, обнаруживаются и в статье «О чувствах» (1884) австрийского психиатра и невропатолога Т. Мейнерта (1833—1892). В статье, которая была напечатана в том же номере, что и статья Штейнберга, он пишет о двух «я» человека — первичном и вторичном. Первичное «я» — телесное, мозговое, вторичное — духовное, чувственное. По мнению Мейнерта, мы можем уничтожить наше первичное «я» (тело) во имя любимого человека, который составляет часть нашего вторичного «я» (чувств):

Можно ли заразиться сумасшествием?

Свобода действий, заключающаяся в разносторонности и разнообразии возможных поступков, наиболее величественно обнаруживается в импульсах, исходящих из вторичной индивидуальности. <...> весьма сильные мотивы могут побудить вторичное «я» вызвать смерть, как оборону против уничтожения других составных частей индивидуальности. Мы жертвуем собственной жизнью для сохранения жизни чужой, сделавшейся составной частью нашей вторичной индивидуальности. Мы жертвуем ею ради спасения любимой особы, ради долга, чести — ради элементов, связанных с нашей вторичной индивидуальностью, нежели наше первичное «я» [Мейнерт 1884: 92].

Мейнерт подчеркивает, что вторичное «я» для человека важнее, чем «первичное», потому что оно составляет его духовную суть. Вторичное «я» тоже имеет свои импульсы, как и первичное, но только импульсы эти затрагивают не наш мозг, а наши чувства и поэтому больше воздействуют на людей, заставляя совершать определенные поступки (например, спасти любимого человека от опасности).

Но это лишь первый уровень человеческого сознания. Второй же представляет собой подражание, «заражение», когда духовное «я» человека также стремится отобразиться в сознании других людей. Мейнерт пишет:

Вторичная индивидуальность может усложниться и разрастись до того, что руководящим мотивом ее будет стремление отразиться, запечатлеться в мозгах других людей. Тогда первичное «я» приносится в жертву ради удовлетворения высших потребностей индивидуальности вторичной, с целью сохранения образа его в умах потомства. Здесь следует искать ключ к так называемой идее бессмертия [Мейнерт 1884: 92].

Для Мейнерта «заражение» кого-либо эмоцией, мыслью является высшей способностью человека; человеку мало пожертвовать жизнью, ему хочется еще и запечатлеться в памяти людей, закрепить себя в их сознании через свой подвиг. Бессмертие и есть такое запечатление через усвоение образца поведения героической личности.

Толстой мог читать и статью Мейнерта (в дневниках этого времени он о ней не упоминает, но в поздней статье «О безумии» 1910 г. он прямо говорит, что знаком с психиатрической теорией

Сергей Викторов (Москва)

.....

Мейнерта [см.: Толстой 1936: 395—412]), и она коррелирует с его представлениями о том, что подлинно осмысленная деятельность предполагает приобщение к какому-то бессмертному источнику. Он говорит не просто о символическом бессмертии, а о Боге, к которому духовное «я» приобщается как к «центру всего» и которое определяет сходное — моральное — поведение самых разных людей.

В 1884 г., когда Толстой читает «Архив психиатрии...» и другие статьи психиатрического содержания (статью В. Д. Тронова «История редкого случая большой истерии» из третьего тома № 1 «Архива...», статью Е. П. Летковой из № 1 «Отечественных записок» «Психиатро-зоологическая теория массовых движений») [см.: Толстой 1952: 76—77], Толстой часто использует метафору сумасшествия для определения состояния окружающих людей. Сумасшествие описывается как заразная болезнь, которой охвачены массы, т. е. он видит в сумасшествии не только медицинское, но и социальное явление:

<...> я боялся говорить и думать, что все 99/100 сумасшедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумасшедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно [29 марта/10 апреля 1884 г.] [Толстой 1952: 75].

Нездоровый в моральном плане образ вызывает желание подражать ему, усваивать его, не задумываясь о его оправданности и разумности (как устроен этот процесс психофизически, мы описали выше). Даже в своих родных Толстой видит безумцев — в период с 28 мая по 9 июня 1884 г. он пишет: «Точно я один не сумасшедший живу в доме сумасшедших, управляемом сумасшедшими» [Толстой 1952: 99].

Толстой и потом будет думать, что мир людей — это модель сумасшедшего дома. 12 июля 1900 г. в дневнике он записывает: «Я серьезно убежден, что миром управляют и государствами, и имениями, и домами, совсем сумасшедшие. Несумасшедшие воздерживаются или не могут участвовать» [Толстой 1954: 31].

Можно ли заразиться сумасшествием?

То, что Толстой в своем позднем творчестве часто говорит о безумии и сумасшествии людей, хорошо известно, но подчеркнем, что сумасшествие он понимает не метафорически, а буквально. В 1910 г. он пишет статью под названием «О безумии», где говорит: «То же, что мы живем безумной, вполне безумной, сумасшедшей жизнью, это не слова, не сравнение, не преувеличение, а самое простое утверждение того, что есть» [Толстой 1936: 410]. Однако эта мысль у Толстого возникает еще в 1880-е гг. Если ранее метафоры заражения Толстым практически не использовались, то теперь они становятся частотными, что связано, на наш взгляд, с тем, что именно в 1880-е гг. он увлекся психиатрической литературой, которая дала ему возможность говорить о сумасшествии и заражении с медицинской точки зрения. В то же время в конце 1870-х гг. Толстой порывает с беллетристикой и начинает работать в русле публицистики и философской литературы. Использование Толстым «медицинских» метафор заражения не только отвечало тогдашнему дискурсу о психических явлениях, но и объясняло, как можно донести свою доктрину до людей, как вообще распространяются общественно значимые идеи. Иными словами, медицинский и социальный дискурсы соединяются в том числе через метафоры заражения и сумасшествия как крайней степени зараженности, поглощенности всего существа человека одной мыслью или чувством.

В 1884 г. Толстой читает статью русской писательницы и переводчицы Летковой «Психиатро-зоологическая теория массовых движений», опубликованную в № 3 «Отечественных записок» за 1884 г. Согласно Летковой, которая в свою очередь опирается на итальянского психиатра Ц. Ломброзо (1835—1909), поведение народных масс зачастую нелогично — сегодня они могут ненавидеть кого-то, а завтра этот кто-то может стать лидером, за которым они пойдут и в огонь, и в воду [Леткова 1884: 2] И дело не в народных массах, а в самом лидере. Лидер, согласно Ломброзо и Летковой, должен быть если не сумасшедшим, то точно ненормальным, исключительным — в своем поведении, в своих идеях; он должен «поработить» народ, «заразить» его своими мыслями и чувствами. Толстой

статью Летковой, очевидно, воспринимает именно как статью о сумасшествии, в дневнике он записывает: «Читал Отечественные записки <...> Статья о сумасшествии героев» [Толстой 1952: 76]. Можно предположить, что благодаря этой статье Толстой все больше и больше углубляется в понимании того, как надо воздействовать на мир, чтобы «заразить» людей собственными идеями.

Позднее Толстой часто использует метафору сумасшествия уже для обозначения собственной социальной и религиозной позиции, т. к., видимо, начинает понимать сумасшествие не только как социальную болезнь, но и, шире, как важный механизм трансляции идей. Он чувствует потребность в том, чтобы заразить других своими мыслями, пробудить в них сознание Бога, тем самым излечив их от сумасшествия. Зерно должно стать хлебом, но для этого ему нужно пройти через машину.

Этот процесс описан, например, в рассказе «Фальшивый купон» 1905 г., в котором герой Степан Пелагеюшкин, являющийся преступником, убивает Марию Семеновну. Однако важно то, что Марья Семеновна сопротивлялась ни физически, а духовно; в момент убийства она говорит ему: «Ох, великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь... О-ох!» [Толстой 1936: 33]. Степан Пелагеюшкин все равно убивает героиню, однако именно после этого убийства, после услышанных слов он как бы «заражается» добром, в нем просыпается совесть, он начинает путь праведника. И здесь наблюдается очевидный сбой механизма заражения: в момент убийства жертва не подражает убийце, а пытается каким-то образом бороться с ним, как бы перерабатывая его зло в себе. После этого добро начинает тиражироваться через бывшего убийцу как прежде — зло, подчиняя себе окружающих: Лиза Еропкина, поглощенная светской жизнью, после рассказа Махина о «преображении» Пелагеюшкина выбрала праведническую жизнь Марии Семеновны, отказавшись от богатства матери; Махин, товарищ главного героя рассказа, смотря на Лизу, стал возвращаться «к своей доброй прекрасной натуре» [Толстой 1936: 46], а Митя Смоковников помирился со своим отцом и стал «служить народу».

Можно ли заразиться сумасшествием?

Толстой тоже хочет «заразить» людей добром, излечить их от сумасшествия. В марте 1884 г. он задумывает «Записки несумасшедшего», которые, по его мнению, должны были стать «программой жизни» [см.: Толстой 1936: 81, 83]. В своем дневнике 16 апреля 1884 г. он писал: «Все бродит мысль о программе жизни. Не для загадывания будущего, которого нет и не может быть, а для того, чтобы показать, что возможна и человеческая жизнь» [Толстой 1884: 83]. Не веря в возможность большинства людей самостоятельно обрести Бога, Толстой думает о том, как убедить их в значимости его идей, как заразить их своими чувствами и мыслями. Психиатры могли дать ему веру в то, что передаются именно сильные, нетривиальные, «сумасшедшие» эмоции (сходным образом механизм «отражения» человека в умах других людей работает и в концепции Мейнерта: чтобы отразиться в сознании других, надо совершить что-то невероятное — принести себя в жертву и т. п.). 18 декабря 1899 г. он записывает: «<...> успех в свете всегда достается сумасшедшим, одержимым тем же сумасшествием, каким одержимо большинство» [Толстой 1899: 234]. Возможно, поэтому Толстой в 1880-е гг. готов объявить «сумасшедшим» и самого себя, как бы подчеркивая возможность транслировать свои мысли окружающим, подчинять их себе.

Характерно, что в определенный момент «Записки несумасшедшего» превращаются в «Записки сумасшедшего», герой которых отличается девиантным поведением: с одной стороны, у него наблюдаются панические атаки, выдуманные страхи, за счет чего он воспринимается как действительно сумасшедший; с другой стороны, он сам осознает свою безумность и принимает ее для того, чтобы продолжать делать свое сумасшедшее дело — распространять добро. Он отказывается от «здоровой» жизни, потому что она предполагает механическое копирование общераспространенных моделей поведения:

Так это находило на меня в детстве. Но с четырнадцати лет, с тех пор как проснулась во мне половая страсть и я отдался пороку, все это прошло, и я был мальчик, как все мальчики. Я был совершенно здоров, и не было никаких признаков моего сумасшествия. Эти двадцать лет моей здоровой жизни прошли для

меня так, что я теперь ничего из них почти не помню и вспоминаю теперь с трудом и омерзением [Толстой 1952: 468].

«Сумасшествие», «заражение сумасшествием» здесь осознается Толстым, конечно, не совсем буквально, поскольку речь идет о передаче подлинно моральных, а потому здоровых идей — так что это в определенной степени метафора, риторическая фигура, что подтверждается, на наш взгляд, еще и сменой первоначального названия: «Записки несумасшедшего» становятся «Записками сумасшедшего». Однако сумасшествие можно понимать и не метафорически, если иметь в виду сам психофизический механизм передачи эмоций от одного человека к другому.

Итак, Толстой хочет буквально «заразить» людей добром, и психиатры дают ему возможность понять, как можно это сделать. Читая труды, он понимает, что народные массы испытывают влияние неординарных, отчасти даже «сумасшедших» личностей, поэтому его стремление назвать сумасшедшим себя и весь мир — это особый стратегический ход, который, по мнению Толстого, должен был указывать людям на необходимость сближения друг с другом и с Богом.

СОКРАЩЕНИЯ

Толстой 1982 — *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 тт. Т. 10. М., 1982.

Аронсон 2017 — *Аронсон О.* Силы ложного. Опыты неополитической демократии. М., 2017.

Бабаев 1981 — *Бабаев Э. Г.* Очерки эстетики и творчества Л. Н. Толстого. М., 1981.

Николози 2019 — *Николози Р.* Вырождение. М., 2019.

Сироткина 2008 — *Сироткина И. Е.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008.

Толстой 1934 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 63. М., 1934.

Можно ли заразиться сумасшествием?

Толстой 1936 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 27. М., 1936.

Толстой 1936 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 36. М., 1936.

Толстой 1936 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 38. М., 1936.

Толстой 1953 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 53. М., 1953.

Толстой 1952 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 49. М., 1952.

Толстой 1954 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 54. М., 1954.

Толстой 1956 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 30. М., 1956.

Толстой 1982 — *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 тт. Т. 10. М., 1982

Штейнберг 1884 — *Штейнберг С. И.* «Случай патологического подражания у маниака» // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Т. 3. № 2. Харьков, 1884. С. 1—26.

Мейнерт 1884 — *Мейнерт Т.* «О чувствах» // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Т. 3. № 2. Харьков, 1884. С. 75—92.

Сведения об авторе: Сергей Яковлевич Викторов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, бакалавр; Москва, Россия; e-mail: serg.vikt.172014@gmail.com

About the author: Sergey Y. Viktorov, Lomonosov Moscow State University, bachelor; Moscow, Russia; e-mail: serg.vikt.172014@gmail.com